Только у нас

кружка М.В. Буташевича-Петрашевского, был отправлен на каторгу Федор Достоевский за чтение письма Белинского к Гоголю, а Михаил Салтыков-Щедрин за публикацию в «Отечественных записках» повести «Запутанное дело» попал в крепость, а потом был сослан в Вятку. Мракобесы требовали сокращения приема в университеты, изъятия курса философии из программ обучения, а наиболее оголтелые - даже закрытия университетов. Неудивительно, что Павел Анненков, говоря его словами, из-за такой обстановки с радостью «убежал из Петербурга» в Симбирск, невдалеке от которого находилось его родовое имение [9].

Если учесть, что Иван Александрович приехал на побывку в Симбирск через два месяца после кончины Николая Николаевича Трегубова, то нетрудно представить и его посещения могилы крестного на кладбище Покровского монастыря, церковных служб в память о нем, его расспросы родных о последнем периоде жизни крестного. Забегая вперед, замечу, что считаю необоснованными попытки краеведов рассматривать отставного капитан-лейтенанта Трегубова как возможного прототипа Ильи Обломова.

Не ладилась и работа над рукописью «Обломова»: иногда ему казалось, что он не так взялся за предмет, что одно надо изменить, другое опустить... А в письме от 25 сентября к редактору «Отечественных записок» А.А. Краевскому Иван Александрович был вынужден сказать, что не привезет обещанной первой части «Обломова». Вместе с тем он поведал, что поездка в Симбирск и все приобретенные в ней впечатления дали ему «много материала на другой рассказ» (**«Обрыв». - Ж.Т.**), но это пока материал, который «еще не уродился в голове», и что из него выйдет, он и сам не знает. «Впрочем, - говорится далее в письме, - чтоб сколько-нибудь очистить свою совесть перед Вами, я готов, если Вы пожелаете, пожертвовать к Новому году началом своего романа (**«Обломов». - Ж.Т.**), как оно ни дурно; но в таком случае продолжать его уже не стану, потому что для продолжения нужно и начало другое. Во всяком случае, - продолжал он, - помня взятое на себя обязательство - представить к Новому году или рукопись, или обратно мзду, я продал часть своей небольшой собственности и не замедлю по приезде вручить Вам долг... Завтра я выезжаю в деревню к сестре, где пробуду суток двое, да дня три или четыре в Москве, а к 15 октября надеюсь быть в Петербурге».

Гончаровские слова в письме к Ефремовой о том, что он в Симбирске «ожил, отдохнул душой и даже помолодел», во многом порождены увлечением, а затем и глубоким чувством, которое он испытал к гувернантке детей сестры Александры Кирмаловой, приехавшей из Хухорева. Эта симпатичная и веселая девушка, Варвара Лукинична Болтунова, была хорошо образованна, любила и знала художественную литературу, держала себя с достоинством. Не прилагая усилий, она так заинтересовала Гончарова, что после ее отъезда с Кирмаловыми в Хухорево он стал тосковать. В один из приступов грусти он заявил в письме к Ю.Д. Ефремовой: «Прав Байрон, сказавши, что порядочному человеку долее 35 лет жить не следует. За 35 лет живут хорошо только чиновники, как понаворуют порядком да накупят себе домов, экипажей и прочих благ».

И после долгих раздумий Иван Александрович, распрощавшись с родными, отправился в Петербург, но через имение сестры Александры Кирмаловой, обитавшей в селе Хухорево Ардатовского уезда Симбирской губернии. Здесь во время намеченной двухдневной остановки он надеялся продлить общение с Варварой Лукиничной и, возможно, попытаться связать с нею свою судьбу... Решился ли он на этот шаг или в ответ на предложение получил от девушки благодарность и вежливый отказ, обусловленный, скажем, необходимостью получить благословение родителей, - это навсегда останется тайной для биографов романиста.

[9] Анненков П. В. Литературные воспоминания. М. , 1983. С. 518.

Известного исследователя, историка, писателя, кандидата исторических наук, почётного гражданина Ульяновской области Жореса Александровича Трофимова уже давно интересует гончаровская тема. «Гончаров. Поиски и находки» - так окрестил своё новое детище Жорес Александрович.

Отношение же к личности Гончарова у Жореса Александровича особое. Он уже издал одну книгу, посвящённую великому русскому писателю, но за время своей дальнейшей деятельности на ниве краеведения убедился, что тема эта в буквальном смысле слова неисчерпаема.

Пока новые главы есть только у читателей газеты «Ульяновская правда» (см. публикации в № 10 от 31 января 2012 г. и в № 25 от 13 марта 2012 г.), но к празднованию 200-летия Ивана Гончарова, как надеется сам автор, увидит свет его труд, посвящённый знаменитому классику, в полном объёме. Жорес Трофимов любезно предоставил главы из нового исследования в распоряжение нашей газеты не случайно - полвека назад именно в «Ульяновской правде» появилась его первая публикация. По самым скромным подсчётам, за прошедшие пятьдесят лет Жорес Александрович публиковался на страницах нашей газеты раз восемьсот.

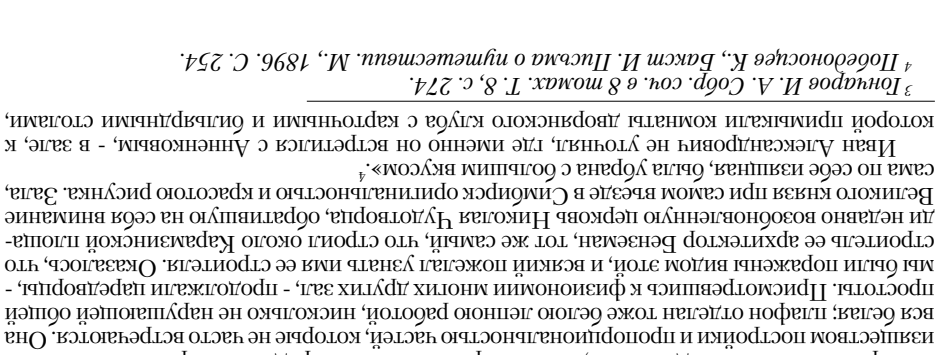
Новые главы книги «Гончаров. Поиски и находки» будут выходить еженедельно. Сложив странички по линиям сгиба, вы можете собрать из них свою мини-книжку Жореса Трофимова.

Приятного чтения и интересных открытий!

После 14-летнего отсутствия

В 1849 году, когда я сам был на Волге -
и хотя я там родился, но тут как будто
в первый раз увидел этот край и людей.
И.А. Гончаров

Двухдневное путешествие из Петербурга до Москвы в просторном и уютном дилижансе по шоссированному тракту оказалось даже приятным. В Белокаменной, где еще здравствовали двое-трое друзей по университетской скамье, Гончаров пробыл только неделю, ибо, по его словам, «все тянуло домой». А вот от Москвы до Казани пришлось трястись пять суток в большом тарантасе по соседству с надоедливой и вздорной женщиной. От Казани до Симбирска Иван Александрович хотел плыть по Волге, да знатоки отсоветовали: если поднимется противный ветер, так и в две недели не сделать двухсот верст. «Нечего делать, - сообщал он в письме в Петербург Майковым, - я пустился один на тележке, на перекладных... Чашу дорожных страданий я выпил до дна, а наслаждений не испытал. Погибли навсегда для меня, как я вижу, поэзия тройки, ямщика, колокольчика и т. п.».



Мужская классическая гимназия. Фотография. Вторая половина XIX в.

дворов, трактиров, да и многие домохозяева подрабатывали за счет сдачи внаем приезжим торговым квартир, конюшен, сараев, погребов и ледников. Не чурались, наверное, воспользоваться такой возможностью пополнить свой скромный бюджет и Авдотья Матвеевна Почарова.

Так что Симбирск 1849 года с 20-тысячным населением (в полтора раза большим, чем было в 1834-м) - это не захолустный город и не Обломовка, как это представляется некоторым авторам, а центр большой губернии (в ее состав входили Самара, Сызрань, Бузулук, Курмыш), растянувшейся вдоль матушки-Волги почти на 450 верст. И наш романист был совершенно искренен, заявляя, что он как будто в первый раз увидел родной ему город. Созвучно этому впечатлению и заявление, сделанное Иваном Александровичем в письме от 13 июля 1849 года петербургским друзьям Екатерине и Николаю Майковым в начале своего пребывания в Симбирске: «Был я здесь в клубе, который, кроме Английского раз-ве, лучше всех столичных. И помещение прекрасное, и люди порядочные. Первое лицо, которое попалось мне, был Анненков. Мы обрадовались друг другу; на другой день он был у меня; если стерпимо-то, сестрину. Зимой и осенью, говорят, здесь много порядочных людей собирается»[3].

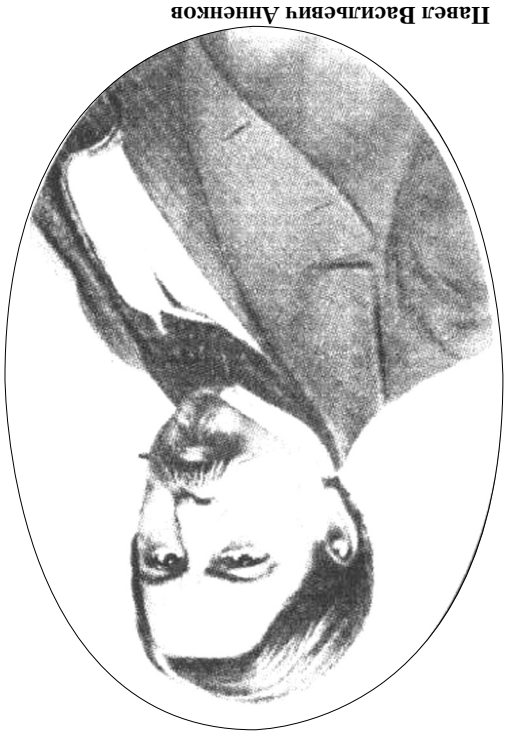
Под «клубом» Почаров подразумевал Дом дворянского собрания. А вот его описание, сделанное литератором-симбирянином в № 8 журнала «Москвитянин» за 1850 год: «Представьте себе бело-мраморную залу шириною в 6 сажень, вышиною в 4,5 и длиною в 12 сажень, использованную в зрительном зале, всю изукрашенную лепною работою самого высокого стиля и удивительной отчетливости, освещенную тысячами свечей в 5-ти огромных люстрах и 28-ми бра отличной работы... Зала соединяется шестью арками, против которых устроены подпоры с хорами, с пышною по убранству гостиною и завязалом: первая для дам, вторая для любителей виста и всякого часто для вечернего пирушества или ужина, на котором 250 человек могут свободно поместиться».

А вот какие впечатления остались у приятелей сановников К. Победоносцева и И. Баксга, сопровождавших путешествовавшего по Поволжью наследника престола: «Зарою в губернском ее нельзя было не любоваться. Есть, без сомнения, в других городах более обширные и пышнее отделанные; но симбирская зала благородного собрания отличается изяществом постройки и пропорциональностью частей, которые не часто встречаются. Она вся белая; плафон отделан тоже белою лепною работой, нисколько не нарушающей общей простоты. Присмотревшись к физиономии многих других зал, - продолжали царедворцы, - мы были поражены видом этой, и всякий пожелал узнать имя ее строителя. Оказалось, что строитель ее архитектор Бенеман, тот же самый, что строил около Казанской площади целавно возобновленную церковь Николая Чудотворца, обратившую на себя внимание Великого князя при самом въезде в Симбирск отличительностью и красотою рисунка. Зала, которой примыкали комнаты дворянского клуба с карточными и бильярдными столами, ведет в буфетом, или в Казанской общественной библиотеке, располагавшейся в читальней и комнатах первого этажа. Скорее всего, они смотрели все помещения Дома дворянского собрания и как любознательные литераторы побывали в читальном зале библиотеки. Здесь библиотекарь Николай Александрович Салоников (выпускник столичного Главного педагогического института, отец поэта, автора знаменитой песни «Из-за острова на стрежень» Дмитрия Салоникова) мог поведать Почарову, наскольких восстребованы читателями подаренные им экземпляры романа «Обыкновенная история» и повести Ф.М. Достоевского «Бедные люди», присланные в одной посылке. Об авторе последней повести они, наверное, не говорили, ибо Федор Михайлович за чтение письма Белинского к Боткину в кружке М.В. Петрашевского сидел в Петропавловской крепости.

Николай Салоников наверняка показал гостям-литераторам необычные новинки этого года: комплекты журнала «Современник» за 1838 - 1846 годы, полученные от ректора Петербургского университета П.А. Плетнева, два томика «Фон Визин», подаренные князем П.А. Вяземским, и четыре, включая и повесть «Тарантас», - трафом В.А. Соллогубом. В числе изданий, получаемых симбирской публичной библиотекой, сказалась и «Журнал мануфактур и торговли» Министерства финансов, в котором служил Иван Александрович.[5]

Очень важно, что Почаров и Анненков - оба обрадовались этой неожиданной встрече. Ведь Павел Васильевич всегда за Белинским высоко оценил роман «Обыкновенная история». А вот повесть «Иван Саввич Поджабрин», появившуюся в 1848 году в «Современнике», не одобрил и даже публично заявлял, что «тащат Почарова клонится к упадку». Это повлияло в некрасовском «Литературном сборнике» отрывка из романа «Сон Обломова» критик встретил благосклонно. Что касается творчества Анненкова, особенно его «Пробинциальных писем», написанных по материалам поездок по Поволжью и Прикамью, то Почаров их читал с удовольствием. Ко времени встречи в Симбирске с Иваном Александровичем Анненков уже работал над подготовкой издания собрания сочинений Александра Пушкина, и этот уникальный труд получил горячее одобрение Почарова. Можно себе представить, какой многоранной была беседа Павла Васильевича с Иваном и Николаем Почаровыми во время званого обеда в их отчем доме. Уместно напомнить, что с образованием российского Литературного фонда, где Анненков исполнял секретарские функции, оба брата Почаровы стали его членами.

Иван Александрович, говоря в письме к Майковым о посещении симбирского клуба, подчеркнул, что здесь бывают и «люди порядочные». Что это за люди? Поэт П.С. Бенсон вполне резонно причисляет к ним Н.П. Отраева, который в это время вернулся на Тамбовщину, где в родовом фамильном имении Ивановка крестьян и обеспечивающие их труд. А Павел Васильевич в своих воспоминаниях говорит о дружеском общении с Пироговым и Буфетом и Анненков - оба обрадовались этой неожиданной встрече.



Павел Васильевич Анненков

[3] Тонкаров И. А. Собр. соч. в 8 томах. Т. 8, с. 274.
[4] Победоносцев К., Баксгт И. Письма о путешествии. М., 1896. С. 254.
[5] Тропунов Ж. Рассказ о Карамзинской общественной библиотеке. Ульяновск, 2008. С. 41.